

УДК 343.9

Релятивизация норм брачного поведения, дисфункции семьи и семейная девиантность в мире постмодерна

Комлев Ю.Ю.

Доктор социологических наук,
профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
Казанского юридического института МВД России

В статье описана релятивизация норм брачного поведения в мире постмодерна. На основе содержательного анализа открытых источников, обобщения социологических исследований и данных статистики рассмотрены релятивные формы брачных отношений и проявления семейной девиантности.

Ключевые слова: эпоха постмодерна, брак, семья, нормы брачного поведения, семейная девиантность, домашнее насилие.

Социологическое изучение семьи началось с развитием позитивизма со второй половины XIX столетия. Функциональные, социокультурные, социально-правовые, девиантологические аспекты брака и семьи всегда привлекали к себе внимание социологов и социальных психологов – как классиков, так и современников. Особенно активно эти исследования происходили в XX в., что находит отражение в превосходных работах М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина, Т. Парсонса, К. Дэвиса Э. Гидденса, Р. Хилла, Д. Хансена У. Гуда, Р. Фридмана, А.Г. Харчева, С.И. Голода, позднее – А.И. Антонова, В.М. Медкова, М.С. Мацковского и других.

Как правило, социологический анализ семьи осуществляется на макроуровне (семья рассматривается как социальный институт) и микроуровне (семья изучается как малая социальная группа или социальный конструкт). Семья, согласно Т. Парсонсу, – одна из ключевых функциональных подсистем общества, «работа» которой обеспечивает его устойчивость посредством воспроизводства населения, социализации и «поддержания образца». Неслучайно, институциональная стабильность семьи, ее функциональность/дисфункциональность в современном изменчивом мире постмодерна – объект пристального внимания исследователей начала XXI в. Анализ социальных проблем семьи в таких значимых вопросах, как изменения в брачно-репродуктивном поведении, прочность семейных отношений, содержание и социализация детей, осуществ-

ление социального контроля, забота о больных и пожилых, рекреация и отдых, сексуальная жизнь, хозяйственно-бытовая деятельность служат работы современных российских исследователей. Среди них: А.А. Клецина, Г.И. Колесникова, Л.В. Карцева, Е.И. Зритнева, Ф.А. Игебаева, И.В. Попова, С.И. Кириченко и многие другие.

В своих изысканиях социологи широко используют эвристические возможности таких методологических подходов, как: структурно-функциональный, интеракционистский, конструктивистский, конфликтологический, постмодернистский, интегративный. При этом современная фамилистика теснейшим образом связана с междисциплинарным полем на пересечении семейного права и девиантологии, поскольку успешность брака и семьи во многом определяется тем, как складываются и развиваются законодательные основы семейной политики. Исследователи все чаще обращают внимание на традиционные и новые формы легитимизации брачно-семейных отношений, на вопросы регуляции имущественных и других прав супругов, соблюдение прав детей, меры по предотвращению семенного насилия и других форм девиантности в семейной жизни современного человека.

Наиболее близкий автору девиантологический дискурс позволяет сконцентрироваться на релятивизации и трансформации социальных норм брачного поведения, дисфункциях семьи, проблематике насилия и других форм негативной девиантности

в семейной жизни эпохи постмодерна, последовавшего за либеральными сексуальными революциями.

Неюридические социальные нормы в основании брака – это нормы брачного поведения, отраженные в морали, обычаях, закреплённых культурой. В европейской и российской культурных традициях такие нормы включают знакомство мужчины и женщины, ухаживание, обручение, венчание, свадебную церемонию, обмен кольцами, медовый месяц. В целом в период модерна в качестве социальных норм предполагались добрачное целомудрие, супружеская верность, обязательство супругов растить детей, поддерживать друг друга всю жизнь и многие другие. Правовые нормы брачного поведения – продукт официальной регистрации брака. Они определяют обязательства супругов по отношению друг к другу и детям, вопросы расторжения брака, раздела или наследования совместно нажитого имущества. Современное государство берет на себя определенные обязательства по защите брака и поддержке семьи, поскольку от нынешнего состояния этих социальных институтов во многом зависит будущее социума в целом.

Стремительные социальные сдвиги, а в последнее время цифровизация и сетевизация в мире как «глобальной деревне», по образной метафоре канадского философа Г.М. Маклюэна, все больше вторгаются в личную жизнь человека XXI в. В итоге относительную стабильность брачно-семейных отношений предыдущей эпохи развеял непредсказуемый и разрушительный высокотехнологичный постмодерн. Он изменил многие брачные социальные нормы и традиции, релятивизировал правила брачного поведения и, прежде всего, широко распространил практику добрачных и внебрачных сексуальных отношений. Перемены в брачных социальных нормах и поведенческих практиках весьма заметны во всем постиндустриальном мире, в России и на постсоветском пространстве. Нередко то, что было несколько десятков лет назад девиантно, стало социально приемлемой нормой брачного поведения и наоборот.

Ныне встречаются и «старые» (гетерогенный церковный брак, никах, ала качуу («хватай и беги»), калымный брак, экзогамный, эндогамный, договорный), и относительно «новые» по форме и содержанию брачные союзы: гомогенные браки (например, «бостонский»), пробный брак, брак в форме партнерства/сожительства, гостевой брак, серийный брак, «самбо» и многие другие.

В ряде стран законодатели, реагируя на перемены, легитимизировали еще «вчера» бывшие девиантными практики гетеросексуального сожительства и гомосексуальных отношений. Так, на рубеже и начале XXI в. в Дании (1989), Норвегии (1993), Швеции (1995), Венгрии (1996), Нидерландах (1998), Канаде (1999), Португалии (2001), Че-

хии (2006), Финляндии (2017), Швейцарии (2020) и других странах полностью легализованы все еще экзотические для российской культуры однополые браки. Одни культуры принимают для себя новые брачные нормы, другие сдержанно относятся к их трансформации и конструируют их как девиации в брачно-семейной сфере. Примечательно, что новая редакция Конституции России от 2020 г. защищает традиционный для российского общества образ брачно-семейных отношений.

В эпоху модерн, например, еще в 60-е гг. прошлого столетия в Европе и России сожительство было морально рискованным в целом девиантным поведением, а в США и некоторых католических странах считалось почти правонарушением, но к миллениуму сожительство и пробный брак стали практически рутинными практиками в большинстве постиндустриальных обществ. Так, в США на рубеже веков сожительство было уже в 8 раз больше распространено, чем в 80-е гг. прошлого столетия. Около половины супружеских пар стали жить вместе до бракосочетания. Хотя еще несколько поколений назад эти практики составляли только 8 %. Существенно снизилась рождаемость, увеличился удельный вес разводов, серийных браков и неполных семей [1, p. 342].

По данным российской переписи населения 1989, 2002 и 2010 гг. в нашей стране также постоянно растет доля сожителей. Например, с 2002 по 2010 г. она выросла на 3 % и составила 13,2 % от общего числа семей [2]. Более того, Интернет и социальные сети стали местом поиска и образования как новых, так и традиционных форм брачных союзов.

Шведские социологи в 1988 г. зафиксировали, что, наряду с официальным церковным браком, в королевстве легализована такая специфическая для скандинавов форма брачных отношений, как «самбо» или зарегистрированное партнерство. В рамках «самбо» молодые люди публично заявляют, что будут жить вместе, но без регистрации брака, хотя и с пропиской на местном уровне и совместными расходами по коммунальным платежам. При этом «самбо» не всегда приводит к официальному браку. В случае если молодые не «притираются» друг к другу, то они расстаются без формальностей развода. «Самбо» не влечет за собой никаких юридических обязательств. Партнеры отдельно владеют имуществом, сбережениями, заработками. Отсюда и нет проблемы дележа совместно нажитой собственности, как это бывает при расторжении формального брака. Закон лишь обязывает заботиться о совместных детях мужчину и женщину, живущих в рамках зарегистрированного партнерства [3].

В России специфика практик сожительства состоит в том, что мужчина и женщина могут проживать вместе, вести совместное хозяйство, но отношения в таком союзе лишь частично регулируются

Гражданским и Семейным кодексами. Сожительствующие не могут заключить брачный договор. Если же родился ребенок, то использовать Семейный кодекс можно лишь в определенных случаях, например, при условии признания отцовства.

В целом сожительство как формат брачно-семейных отношений не защищено законом. Главное его отличие в неопределенности, в том, что оно отнюдь не всегда приводит к законному браку.

В осмыслении отклоняющегося поведения в брачно-семейной сфере продуктивна интеграция эвристических возможностей гендерного, интеракционистского, конструктивистского, структурно-функционального подходов. Эмпирические исследования показывают, что в мире постмодерна наблюдается все больше эгалитаризма в нуклеарных семьях. Молодые мужья отказываются от старых стереотипов маскулинности и возлагают на себя большую ответственность за ведение домашнего хозяйства, а замужние женщины все больше работают вне дома.

Вместе с тем значительная доля современных мужчин все еще отказываются заниматься рутинными домашними делами. Тогда как их жены, имея восьмичасовую оплачиваемую занятость вне дома, еще и в семье делают почти всю работу (убирают, готовят еду, занимаются с детьми). Жены в восемь раз чаще заявляют, по данным опросов, что гендерное разделение домашнего труда является несправедливым. Гендерная специфика социальных ролей и несправедливое разделение труда в семье – одна из причин негативной девиантности в семье и роста разводов в новых условиях, особенно тогда, когда женщина вносит в семейный бюджет не меньшие взносы, чем ее мужчина.

Интеракционистский подход к изучению социальных проблем семьи позволяет сконцентрироваться на значениях тех или иных действий в семье, которые люди определяют своим опытом. Отсюда нетрудно установить, почему даже те мужья, которые зарабатывают меньше своих жен, реально несут по сравнению с женщинами значительно меньшую домашнюю нагрузку. Ответ на этот вопрос состоит в понимании значения гендерных ролей, усвоенных в ходе социализации в родительской семье. Так, если жена зарабатывает больше мужа, то это символически «угрожает» традиционным представлениям мужа о своей маскулинности и воспринимается им как знак того, что он – неудачник, поскольку не смог обеспечить свою семью. Однако, выполнение «женской» работы по дому в его глазах еще более грозный символ того, что маскулинность мужа ставится под сомнение в большей мере, чем тот факт, что у него маленькая зарплата. Поэтому, обходя домашнюю работу и превращаясь в домашнего тунеядца, такой мужчина частично «восстанавливает» свою пошатнувшуюся маскулинность, но порождает

дальнейшую домашнюю девиантность в виде пьянства или рукоприкладства. С другой стороны, немало стало молодых мужчин, состоящих в брачном партнерстве с более зрелыми и материально успешными женщинами, которые их содержат. Такие дамы готовы терпеть иждивенчество своего молодого сексуально привлекательного партнера ради символического «восстановления» феминности в смысле фактического супружества.

В рамках конструктивизма семья подразумевает эмоциональные и родственные связи между людьми, которые сами определяют свои отношения как «семейные» [4, с. 209]. Исследователи конструктивисты и постмодернисты обращают внимание на то, что в «новом мире» любовь, брак и семья все меньше определяются реальными материальными, физиологическими потребностями. Они все больше становятся производными от образов сексуальности и семьи, создаваемых/конструируемых индивидами, а чаще заимствованными из масс медиа или продукции киноиндустрии. В обществе постмодерна и тотальной цифровизации, увы, физиологические потребности могут удовлетворяться без жесткой идентификации/ориентации, без официального принятия обязательств в отношении брачного партнера и потомства.

«Пустота кинематографа» и продолжающаяся сексуализация литературы, «авангардизм на театральных подмостках» и массовое производство и потребление доступных за счет цифровизации аудио-визуальных эротических материалов, распространение проституции, возросшая интернет-зависимость молодежи и ослабление социального контроля трансформируют половую мораль новых поколений, как это было в пору сексуальной революции 60-х гг. В итоге у значительной части юношей и девушек миллениалов и генерации, последовавшей за ним, как показывают опросы, возникла иллюзия абсолютной свободы и вседозволенности в сексуальной сфере.

Благодаря побочным эффектам цифровизации и снижению социально-правового контроля над контентом в сети Интернет происходит определенное отчуждение в интимной сфере человеческой сущности, естественной природы человека в изощренные формы киберпротезирования сексуальных отношений с массовым использованием порнопродукции и глобальной системы виртуального секса.

В итоге ныне конструируется/реконструируется практически любая ориентация сексуального поведения. Сексуальная свобода и релятивизм в брачном поведении наиболее полно выражаются во все новых практиках «открытых отношений», пробных браков, партнерства/сожительства, сексуальных экспериментов. Эти сдвиги приводят к релятивизации, пересмотру или даже отказу от традиционных норм брачно-семейных отношений. По оценке экс-

пертов, происходит виртуализация брака как института в обществе постмодерна, поскольку институциональное регулирование сексуального поведения становится все более релятивным, виртуальным, а не реальным как это было в сфере брачно-семейных отношений в эпоху модерн [5, с. 58-59].

Девиантация в брачно-семейном поле всегда контекстуальна, зависит от культуры и исторического этапа в социотехнологическом развитии общества. Весьма примечательно, что она может выступать и как ренессанс архаичных форм брака, который наблюдается у некоторых народов на постсоветском пространстве. Так, еще недавно антропологи утверждали, что брак в форме умыкания – похищения женщин реально практикуется в XXI в. лишь у некоторых племен Австралии, Африки и Южной Америки.

Как известно, и в России обычай похищения невесты сохранился у некоторых народов Кавказа. При этом за похищение молодых женщин практически не бывает суда. Так, в Чечне несколько лет назад был введен штраф для похитителей невесты в 1 млн руб., однако желающих украсть приглянувшуюся девушку и принудить ее к браку меньше не стало. Конечно, похищение может быть стилизованным в постановочном плане по предварительной договоренности как дань традиции, и этот акт в рамках конкретной культуры не является девиацией. Однако в случае насильственного умыкания женщин с принуждением к сексу и браку следует, несомненно, считать негативной девиантностью в брачно-семейных отношениях.

По открытым источникам известно, что в постсоветской Киргизии практика насильственного похищения девушек в брачных целях приобрела весьма широкое распространение в XXI в., несмотря на ужесточение ее уголовно-правового запрета в последнее время. Архаичный обычай похищения невесты — ала качуу («хватай и беги») был характерен в былые века традиционной культуре киргизов и сегодня популяризируется в СМИ в контексте национально-культурного возрождения. Как результат, свадьбе – самому счастливому дню в жизни девушки – часто предшествует кошмарное преступление в форме грубого похищения, а нередко избиения и сексуального насилия.

Разумеется, значительная часть инцидентов умыкания является результатом договоренностей сторон, однако большинство этих девиантных актов на практике происходит в весьма грубой форме, против воли и желания девушек. Примечателен кейс, описанный Айгуль из Таласской области. Девушка так описывает историю своего похищения.

«...Это было 19 сентября в день рождения отца. Я ушла с работы пораньше, чтобы подготовиться. На улице увидела автомобиль соседа. Он сказал, что моя тетя послала его, чтобы помочь. Я без

раздумий села в машину: была молодая и наивная... Осознав, что происходит, стала вырываться, но он велел водителю свернуть в сторону села. В машине было еще два его друга. Они смеялись и говорили: "Ты никуда не денешься, сиди тихо!" Сначала крепко держали меня, а потом выволокли из машины, когда привезли в дом жениха... В чужом доме я плакала без перерыва....

Через несколько дней мои родители согласились на этот брак. Но я всё не могла поверить, что действительно должна выйти за него замуж. Затем провели нике (обряд бракосочетания), и мне надо было идти с ним в постель. Он сделал всё силой, а потом я потеряла сознание. Его родственницы умыли мне лицо и отпоили горячим чаем с малиновым вареньем, – с ужасом вспоминает Айгуль.

Она добавляет, что испытывала к этому мужчине только страх и отвращение.

– Когда мы переехали в город, он насильствовал меня снова и снова. Позже я узнала, что за два дня до моего похищения он украл другую девушку, но та сумела сбежать. "Ему было стыдно перед родней – требовалось скорее привести в дом любую другую невесту, потому что всё было готово к свадьбе", – объясняет девушка, которой позже всё-таки удалось уйти от ненавистного "мужа"» [6].

По статистике ежедневно в Киргизии похищают до 30 женщин, за год – около 10 тысяч. Примерно 20 % всех браков в этой республике создаются в девиантной форме ала-качуу. В сельской местности, где доминируют традиционные ценности, практики похищения лежат в основе 60 % браков.

Бывает, что несогласные с похищением родственники обращаются в правоохранительные органы. Однако местные полицейские реагируют на такие заявления без энтузиазма. В правоохранительные органы Киргизии за последние пять лет поступило 895 подобных заявлений, в 727 случаях из них уголовные дела не были возбуждены [6]. Новые поправки в Уголовный кодекс, направленные против ала-качуу, не защитили девушек в киргизском обществе от принуждения к браку, что лишний раз показывает, что эта архаичная форма выглядит не только дикостью и является негативной девиантностью, но и указывает на зависимый, поразительно низкий правовой статус женщины в этой стране. Максимальное наказание похитителю невесты может составить до 10 лет лишения свободы, а за кражу домашнего скота вору полагается 11 лет тюремного заключения.

Конструктивизм, феминизм и постмодернистская традиция изучения семьи проблематизируют семейное насилие. Выборочное социологическое исследование американских семей, проведенное в 1975 г., показало, что 3,8 % от общего числа женщин испытывали физическое насилие в браке. Общенациональное виктимологическое исследование в США показало в 1976 г., что 25 % всех нападений

на женщин были совершены их настоящими или бывшими мужьями [3]. Интервью с избитыми женщинами показали, что они подвергались мужскому насилию не в единичных случаях, а систематически, нередко в течение нескольких лет. Действительно, во многих странах в патриархальных семьях мужчины прибегают к физическому насилию над женами и детьми, вовсе не опасаясь правовых последствий. Проблема физического насилия в отношении замужних женщин с тех пор публично артикулируется, но опыт семейных побоев, особенно в России, других странах СНГ еще плохо изучен. Тем не менее в 2017 г. Государственной Думой приняты поправки в УК РФ, позволившие декриминализовать домашнее насилие, переведя этот состав в разряд административных правонарушений.

Дисфункции семьи. С точки зрения структурно-функционального подхода, семья – универсальный социальный институт, несмотря на то что формы брака и семьи как продукты культуры контекстуальны и существенно отличаются в разных социумах и на разных этапах исторического процесса. Универсальность семьи обеспечивается тем, что она реализует ряд специфических социальных функций, удовлетворяющих базовые потребности людей, что обеспечивает выживание и сохранность любого общества. Это, прежде всего, репродуктивная, экзистенциальная функция и функция социализации. Неспецифические функции семьи позволяют ей приспосабливаться к определенным историческим условиям. Они связаны с накоплением и передачей собственности, статуса; организацией потребления, отдыха и досуга; с заботой о здоровье и благополучии. Специфические и неспецифические функции семьи не теряют своего значения и в условиях стремительной трансформации и турбулентности социума эпохи постмодерн.

Р. Мертон, как известно, показал, что полное функциональное единство, в том числе института семьи, противоречит социальной реальности. То, что функционально для одного социального контекста, может быть дисфункционально для другого, и наоборот. Дисфункция означает то последствие, к которому не стремились и которого не ждали в результате социального действия. В итоге невыполнение, ненадлежащее исполнение, недостаточность ресурсов для выполнения функции семьи оборачивается дисфункциональностью семьи как социального института. Девиантологи, используя структурно-функциональный подход, концентрируются прежде всего на дисфункциях и социальных девиациях в семье.

Как известно, современное российское государство, реагируя на проблематизацию брачно-семейных отношений, все в большей мере оказывают помощь семье в решении жилищных проблем, в обеспечении процесса социализации подрастаю-

щего поколения, в решении хозяйственно-бытовых вопросов и рекреации, в реализации других ее специфических и неспецифических функций. Тем не менее массовая нуклеаризация семейной жизни в условиях урбанизации и глобализации приводит к относительной изоляции двухпоколенной семьи, живущей под одной крышей, в отличие от семьи расширенной. В итоге ее члены не могут рассчитывать на помощь большого числа родственников в вопросах материальной или эмоциональной помощи. Отсюда нуклеарные семьи нередко дисфункциональны в плане «эмоциональной перегрузки» в случае потери работы или иного стресса, на фоне которой снижается эффективность рекреации и семейной поддержки. Так, в значительной мере и происходит в условиях пандемии или иных проблем с занятостью на рынке труда.

Моногамный секс на определенных стадиях жизненного цикла семьи или при определенных условиях, например, при развитии гедонистической культуры свободного секса нередко ведет к такой дисфункции, как секс вне брака, особенно за деньги (проституция). Косвенно дисфункциональность семьи в части неудовлетворенности при реализации сексуальных потребностей характеризует рост масштабов проституции в России. По данным аналитиков мобильного приложения *NumBuster*, в конце 2017 г. насчиталось 4,5 млн телефонных номеров, связанных с предложением секс-услуг. Численность женщин, занятых в российской секс-индустрии, сегодня сравнима с численностью работников ЖКХ (около 3 млн чел.) [3].

Дисфункцией семьи выступает и отказ от помощи престарелым и больным членам семьи, принудительная изоляция их в соответствующих социальных учреждениях. Другим примером дисфункции института семьи в вопросах социализации и неформального социального контроля выступает девиантная социализация детей. Среди подростков немало ретретистов и искейперов и не только из материально неблагополучных семей, которые реализуют стратегию ухода, бегства из семьи и социализируются на улице в «дурных» уличных компаниях, в киберпространстве интернета, социальных сетях как девианты. Неслучайно в России регистрируется «армия» детей-беспризорников (около 2 млн). У детей из неблагополучных семей значительно чаще встречается: нарушение нормального общения со сверстниками; неадекватность самооценки, снижение способности самоанализа и социально-психологической адаптивности; неразвитость чувства эмпатии, делинквентность и негативная девиантность [7].

Чрезмерная артикуляция функции обеспечения благосостояния супругами в двухкарьерной семье приводит нередко к такой дисфункции, как отчуждение детей и родителей, а также супругов между собой, что часто у мужчин и женщин сопровожда-

ется развитием алкоголизма или чревато фактами суицидального поведения.

Относительная изоляция нуклеарной семьи создает предпосылки и для таких проявлений девиантности, как инцест, бытовое и сексуальное насилие. Так, например, в Старом свете, где перечисленные выше дисфункции семьи особенно заметны, постоянно растет молодежная преступность, экстремизм и суицидальное поведение среди подростков [8, с. 144].

Дисфункции института семьи имеют печальным следствием и проблемы с репродукцией, ведут к разводам и материнской депривации. Так, рост числа разводов – в определенном смысле индикатор дисфункциональности института семьи.

На протяжении многих веков брак на Западе, да и России был практически нерасторжимым. Разводы допускались лишь в особых случаях, таких, например, как неспособность к нормальным брачным отношениям. И сегодня в Испании, Ирландии не признается право на развод. Между тем в большинстве постиндустриальных обществ разводы легализованы.

К концу XX столетия число разводов в развитых странах заметно увеличилось. Так, в Великобритании отмечен рост с 3 чел. на 1000 состоящих в браке в 1961 г. до почти 12 чел. на 1000 в 1981. При этом 40 % заключаемых браков, считают социологи, скорее всего, закончатся разводом. Наиболее уязвимой семья оказывается в первые 4 года (38 % разводов), когда формируется ее модель (распределение власти, авторитета, обязанностей), возникают первые конфликты [9].

Уровень разводов в России в 50, 60, 70-е гг. прошлого века постоянно рос. Максимум был достигнут в 1979 г. – 594 тыс. разводов. В 80-е годы число разводов оставалось практически неизменным, но с началом перестройки баланс был снова нарушен, социальное и материальное положение граждан пошатнулось, и в 1991 г. число разводов увеличилось и составило 598 тыс. По данным переписи населения в РФ в 1989 г., на 1000 человек приходилось 72 развода. В 2010 г. на каждую 1000 чел. было зарегистрировано уже 98 разводов [2].

Заметим, что возросшая доля разводов отражает не только рост семейной дисфункциональности. Браки распадаются и по другим причинам. В условиях постмодерна стало гораздо больше психологических и социально-экономических источников конфликта, либерализация в брачно-семейной сфере изменила мир ценностей и представлений супругов, возросли индивидуальные требования к браку и семейной жизни, особенно у женщин, которые значительно чаще мужчин подают на развод. Социальные приоритеты изменились и в общественном мнении. Отношение в обществе к разводам стало более толерантным, и расторжение брака нередко рассматривается как адекватная реакция на его неуспешность.

Рост числа разводов закономерно привел к увеличению доли семей с одним родителем. Изменилась и численность повторных или серийных браков между разведенными. Стало больше семей с детьми, в которых один или оба родителя были разведены.

Негативная девиантность в семейной жизни. Есть, увы, вещи в жизни семьи, о которых не принято говорить. Темная сторона семейных отношений связана с дисфункциональностью института семьи и, как следствие, проявлениями внутрисемейной негативной девиантности, среди которых широко распространены: домашнее насилие (избиения), жестокое обращение с детьми, отклонения в сексуальном поведении (инцест и др.).

Домашнее насилие определяется как физическое наказание, принуждение одним членом семьи другого или других, как правило, детей или женщин. Для изучения домашнего насилия девиантологи используют неформализованные интервью и нарративный анализ. Опросы показывают, что насилие в семье имеет явную гендерную специфику: женщины намного чаще, чем их мужья обращаются за медицинской помощью в результате побоев. Насилие в отношении женщин, живущих в законном браке или сожительстве, обычно связано с агрессивностью и пьянством мужей, которые полагают, что имеют право на силовое наказание и подчинение женщин. Транскрибирование текстов нарративов показывает, что когда мужчины разочарованы в отношениях или возникают серьезные разногласия или конфликты, другие веские причины, то они, пользуясь силой, прибегают к девиантным поступкам в отношении жен или сожительниц, полагая, что их жертвы не дадут делу огласку. Еще печальней обстоит ситуация с психологической травлей и физическим насилием со стороны родителей и взрослых членов семьи по отношению к детям. Подобных историй немало.

Из интервью покупателя, осматривавшего дом, выставленный на продажу: *«Хозяйка жилья, которую соседи и прежде уличали в жестоком обращении со своим нездоровым ребенком, показала весь свой дом, который был прибран и неплохо обставлен. Внимание покупателя привлекла коробка из фанеры в спальне мальчика. Коробка была с маленькими отверстиями и имела маленькую дверь с висячим замком. Из любопытства возник вопрос: "Что это такое?" Женщина, как ни в чем не бывало, ответила, что у ее сына проблемы с поведением и она запирает его тут время от времени. Она также добавила, что ранее с мужем привязывала сына к кровати или запирала его надолго в кладовой... Ничего не помогало...»* [3].

Общепринятая социальная норма состоит в том, что родители должны любить, защищать и воспитывать детей. Однако так бывает не всегда. Беспомощные дети, зачастую нездоровые физически или с расстройством психики, нередко становятся

жертвами своих бессердечных родителей или старших детей в семье. Имеют место случаи, когда дети подвергаются и сексуальному насилию. Так, сожитель одной женщины из материнской семьи избил и изнасиловал девочку-подростка, пока ее мама была на работе, отчего девочка оказалась в коме. При этом большинство случаев жестокого обращения с детьми и насилия над ними очень латентны и остаются семейной тайной. По свидетельству Джеймса Хенслина, семейное насилие над детьми весьма распространено в США. Каждый год 3 млн детей, по официальной статистике (статистике заявлений), являются жертвами домашнего насилия. Около 1 млн из этих случаев подтверждаются в ходе проверок органов опеки [1, р. 347]. В Великобритании дом – это одно из самых опасных мест, поскольку в стране из четырех убийств одно совершается в семье [9].

Почему в мире постмодерна так распространена негативная девиантность в форме домашнего насилия? С этим связано несколько факторов. Наряду с либерализацией и релятивизацией социальных норм в сфере сексуальных и брачно-семейных отношений, дисфункциями семьи, как социального института, исследователи-девиантологи в один ряд с ними ставят и социально-психологические причины. Одна из них состоит в сочетании интенсивной эмоциональности и интимности, характерных для семейной жизни. Семейные узы обычно неотделимы от сильных эмоций, и в них нередко смешиваются любовь и ненависть. Домашние ссоры даже из-за пустяка, незначительных событий могут вызвать приступы агрессии, которая в другом социальном контексте была бы маловероятной. Так, мужчина, терпимо относящийся к странностям других женщин, может впасть в ярость, если его собственная жена слишком откровенничает с подругами по поводу подробностей его интимной жизни с супругой. Другой фактор связан с терпимостью и даже одобрением в массовом сознании семейного насилия, поскольку в обществе все еще распространена точка зрения, что у родителей есть «право на битье» детей, а брачный союз – это контракт «с правом на битье», чтобы поучать строптивых жен.

Семейное насилие как проявление негативной девиантности – острая социальная проблема мира постмодерна. Зарубежные исследования показывают, что насилие в семье отражает склонность к насильственным действиям вообще. Многие мужья, физически оскорбляющие своих жен и детей, замечены в насилии и при других обстоятельствах. Так, в исследованиях Джеффри Фэгана, по свидетельству Энтони Гидденса, установлено, что более половины мужей, регулярно избивавших своих жен, совершали насильственные акты и по отношению к другим людям. Более 80 % из них были, по крайней мере, один раз под арестом в связи с насилием не семейного характера [9].

Сексуальные отношения между близкими родственниками (например, между братьями и сестрами или между родителями и их детьми) называются инцестом. Проявления кровосмешения в современном мире считаются негативной девиантностью, хотя о них известно, начиная с матриархата. В настоящее время в постиндустриальных странах инцест осуждается на уровне общественной морали, а в ряде стран запрещен и наказуем как уголовное преступление.

Инцест чаще всего бывает в социально закрытых семьях. Его жертвами нередко становятся юные девушки, почти дети. Исследованиями установлено, что принуждением к сексу чаще других занимаются дяди, двоюродные братья – взрослые мужчины из ближайшего окружения. По свидетельству исследователя-эмпирика проблем семейного насилия И.В. Поповой, в принуждении к сексу девочек замечены и отчимы [10].

Очевидно, что сексуальная эксплуатация детей и женщин со стороны взрослых мужчин в семье – это центральная проблема, формирующая в последующем психику и опыт жизни немалого числа женщин, подверженных сексуальной виктимизации. В России инцест прямо не криминализован. Его масштабы и последствия изучены недостаточно в силу высокой латентности. Между тем на протяжении последних лет принуждение к сексу и инцест стали объектом девиантологических и криминологических исследований [11, с. 414-422].

Без научного всестороннего осмысления феноменологии релятивизации норм брачного поведения, дисфункциональной и девиантологической проблематики семьи не выстроить социально эффективную систему профилактики, не преодолеть насилие как темную сторону семейной жизни. Впрочем, это – предмет междисциплинарных девиантологических проектов для специалистов по социологии и психологии семейной жизни, криминологов, который ждет своих новых исследователей.

Литература:

1. Henslin James M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach 5-th ed. – Boston: Allyn and Bacon, 2004.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.01.2021).

3. Комлев Ю.Ю. Основы социологии семьи: учеб. пособие. – Казань: КЮИ МВД России, 2020.
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – 96 с.
5. Социология гендерных отношений / Под ред. З.Х. Саралиевой. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 270 с.
6. Похитители естества: как девушек в Киргизии принуждают к свадьбе. – URL: <https://iz.ru/870018/igor-karmazin/pokhititeli-estestva-kak-devushek-v-kirgizii-prinuzhdaiut-k-svadbe> (дата обращения: 20.01.2021).
7. Беседин А.А. Дисфункциональная семья как фактор девиантного поведения несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Харьков, 2002.
8. Филлипс Ч.Томас Феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А.И. Антонова. – М.: «Грааль», 2002. – 176 с.
9. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
10. Попова И.В. Опыт исследования проблемы семейного насилия. – URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:31339:14407073> (дата обращения: 20.01.2021).
11. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология. – М.: Московский университет МВД России, Изд-во «Щит», 2008. – 552 с.

Relativization of Norms of Marital Behavior, Family Dysfunction and Family Deviance in the Postmodern World

Komlev Yu. Yu.

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article describes the relativization of the norms of marital behavior in the postmodern world. On the basis of a meaningful analysis of open sources, generalization of sociological research and statistical data, the author considers the relative forms of marital relations and manifestations of family deviance.

Key words: postmodern era, marriage, family, norms of marital behavior, family deviance, domestic violence.

